

«Судьи — это люди с аллергией на ложь, им очень импонирует готовность идти на уступки, признавать что-то и договариваться»

О второй кассации, отличии результатов работы ВС РФ и ВАС РФ и профессиональном процессе рассказал **Юлий Валерьевич Тай**, к. ю. н., управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус».

— **Юлий Валерьевич, давайте побеседуем вначале по мотивам Вашей публикации в журнале «Вестник экономического правосудия», где Вы очень подробно проанализировали деятельность Коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ. И я бы прибавил к этому: нелицеприятно проанализировали, даже жестко прошлись местами. Это бизнесу Вашему юридическому не будет мешать потом, не боитесь?**

— Я не знаю. Не думаю, что моя критика носит идеологический характер. На мой взгляд, она сугубо конструктивная. Все, о чем я пишу, можно исправить. Проанализировав документы, я пришел к выводу, что есть определенные недостатки, которые желательно исправить. Эта точка зрения имеет под собой обоснование, в том числе и статистическое. Я лично прочитал все 799 определений, о которых я говорю. И этот анализ положен в основу сделанного мною исследования того, как функционировал ранее ВАС РФ.

— **Вроде бы Вы разбираете только определения Экономической коллегии, но в ссылках я увидел работу В. Петрищева под названием «Война коллегий». То есть какие-то противоречия в практике Гражданской коллегии ВС и Коллегии по экономическим спорам изучались. Их много вообще?**

— Не так много. Я бы сказал даже *minimum minimorum*. Долевое участие в строительстве, предмет спора, подведомственность до конца не разделена по-прежнему, ответственность директоров, например. Самая большая проблема, на мой взгляд, с административными делами. Нет спора, что КАС РФ распространяется только на суды общей юрисдикции, но нет понимания того, какие именно дела относятся к судам общей юрисдикции.

— **Есть практика подготовки писем зампредов ВС РФ в суды и в адрес заявителей,**

БИОГРАФИЯ

- Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
- Преподает на кафедре международного частного и гражданского права МГИМО(У), в ЮИ «М-Логос» и на факультете повышения квалификации судей.
- Постоянный эксперт деловых СМИ
- Председатель Наблюдательного Совета Российского антидопингового агентства (РУСАДА)
- Член Правления Фонда поддержки и развития в области детской гематологии, онкологии и иммунологии «Врачи, Инновации, Наука — Детям» при ФНКЦ им. Димы Рогачева
- Член Некоммерческого партнерства «Содействие развитию конкуренции»
- Член Правления Международного союза (содружества) адвокатов
- Член Совета Адвокатской палаты города Москвы
- Арбитр Третейского суда при ПАО «Газпром»
- Член Совета директоров «Хоум кредит энд Файнанс Банк»
- Адвокатский стаж 16 лет
- Кандидат юридических наук, автор более 60 публикаций, 12 монографических исследований (в соавторстве).

о которой Вы пишете в статье. Это какая-то все-таки неправильная процессуальная форма, как полагаете?

— Это вообще не процессуальная форма. В деле «Абрамян против России» ЕСПЧ недавно подтвердил, что рассматривает как окончательный судебный акт Коллегии (то есть вторую кассацию, по сути). Все, что происходит дальше, — это чистое творчество зампреда ВС. А так есть один креатив-

ный способ получить данные письма, если знать их номера (с этим проблема, так как суды подобные письма в дела не подшивают, разумеется). Можно сослаться на закон о раскрытии информации о судебной системе и направить запрос в ВС РФ — на него ответят. Мы обращались и получили в ответ копию письма.

— Система второй кассации довольно странная, как я понял из Вашей публикации.

— Сравнение с результатами работы ВАС РФ позволило сделать несколько выводов. Во-первых, одна голова хорошо, а три лучше. Во-вторых, передает дело один судья, но дальше происходят публичные слушания, где участвует он сам и еще двое судей. Это кардинально отличается от того, что было в ВАС РФ, и, к сожалению, не в лучшую сторону. Когда мы приходим в процесс, у нас практически нет шансов победить ту позицию, которая была выражена судьей в определении о передаче дела на рассмотрение коллегии судей, так как в противном случае дело не обой-

дется без умаления его судейской чести. Часть профессиональной деформации судей, на которую они имеют право, — это то, что они обладают повышенной властью. Все судьи в мире обладают повышенным самолюбием и властью. Судьи высшего суда — тем более. Это нормально...

Когда обсуждение происходит в тиши кабинета, то это проще. В ВАС РФ было так: судья-докладчик советовался с двумя коллегами, но дальше они с ним могли спокойно не согласиться. И никто не знал, какая позиция у него была на момент передачи дела. То ли он хотел передавать дело, и боковые судьи всю неделю заседали в жарких дебатах, но потом он проиграл, то ли он тоже был согласен с отказом. Результат, который выходил вовне, один — отказ в передаче дела в Президиум.

Конечно же мы понимаем, что отказ в передаче дела в Президиум мог быть обусловлен неудачным характером данного дела, слишком большой перегруженностью фактами, наличием возможного злоупотребления с той стороны, в чью пользу тройка хотела бы закрепить правовую позицию, и т. п.

Так вот, там они в тиши кабинета решали, без выноса сора из избы, а тут несогласный судья должен перебороть судью-докладчика, да еще и на глазах у изумленной публики... В результате статистика показывает, что 97,2% передач поддерживаются коллегией из трех судей.

— Но возможно же и так, что судья-докладчик перед передачей неформально общается с другими судьями и склоняет их на свою сторону, а если видит, что это не удастся, то не передает дело, чтобы не проиграть потом публично? Хотя при таком рассуждении странно, что статистика — 97,2%, а не 100%...

— Это — во-первых. И во-вторых, на этой стадии нет полного погружения. А в-третьих, даже если стороны скажут что-то важное потом, то из корпоративной соли-

дарности боковые судьи могут не обратить на это внимание, чтобы не подводить коллегу.

В Президиуме ВАС РФ было все по-другому: позиция тройки была выстраданной, а потом судья-докладчик должен был пройти через жернова Президиума, где сидел ареопаг *primus inter pares* (первый среди равных). И здесь проигрыш не выглядел так катастрофично, как в случае, когда тебя не поддерживают равные тебе судьи.

От этого возникает следующая проблема: люди перестают ходить в процесс в Верховном суде. Ну, действительно, при такой статистике — 97% — зачем ходить в процесс? Если судья уже передал, то какой смысл лететь с Сахалина? Все ясно: будет отмена. А тот, против кого состоялась передача, тоже понимает, что смысла бороться практически нет.

В ВАС РФ было иначе: там происходили настоящие баталии представителей. И я так понимаю, что нередко именно их выступление и влияло на победу.

— **Да, подтверждаю, я слышал об этом из первых уст когда-то.**

— Следующее огромное отличие — видеозапись заседаний, которая велась в Президиуме. Это обучало, обеспечивало доступность и транспарентность принятых решений. Была понятна логика их принятия. Сейчас процесс проходит в закрытом режиме, мы не знаем, что там происходит и почему, максимум — прочитаем на Закон.ру или Право.ру обзор корреспондентов. В итоге и судьи себя по-другому чувствуют. Одно дело — записали и навсегда выложили на youtube, а другое — тихонько решили и забыли.

Плюс такая закрытость в передаче дел приводит к тому, что статистически мы видим, что многие судьи работают по принципу: лучше ничего не передавать. И лучше передавать спорные, неоднозначные дела, ведь именно они развивают право и форми-

руют практику, как мы понимаем, а не однозначные дела. Вот недавно один судья в течение четырех дней передал 8 однотипных дел...

— **Может быть, просто надо было набрать статистику?**

— Может быть. Но тут тоже непонятно. Кто-то ее набирает, а кто-то передает 10 дел в год и все. Если бы ему надо было выйти на средний уровень, он вполне мог бы набрать и больше дел себе, но он этого не делает. Некоторые судьи проявляли высокую активность по передаче дел, были чемпионами, можно сказать, а потом вдруг вообще перестали передавать. Вот как это? Почему? Что меняется? Ничего не понятно.

— **А еще интересный вопрос Вы поднимаете, я помню, что влияние на практику со стороны Верховного суда РФ теперь существенно ниже, так как его определения не могут служить основанием для пересмотра иных дел?**

— Да, кассационные определения коллегии судей не являются новым обстоятельством по другим делам. Такими могут быть только постановления Президиума ВС РФ. Но по ним, во-первых, осталась позиция КС РФ о том, что этим постановлениям в самом их тексте надо придать общеобязательность, и, во-вторых, из тех 3 дел по гражданскому праву, что на сегодняшний день рассмотрел Президиум ВС РФ, такой оговорки нет ни в одном. При этом все 3 дела не являлись уникальными или спорными, а скорее типичными, то есть оговорку можно было сделать и придать им более универсальное значение.

Получается, что ВАС РФ решал тысячи спорных ситуаций, рассмотрев всего 500 дел, а ВС решает ровно 500. Иногда говорят, что ВС решает примерно столько же дел, сколько решал Президиум ВАС РФ, но при этом забывают о том, что я только что сказал.

— Но это взгляд в прошлое, так сказать, на те ошибки, которые допущены ранее. А если смотреть в будущее, то действительно одинаково получается, согласитесь?

— Нет. Есть у меня статистика и на этот случай. Количество ссылок нижестоящих судов на акты Президиума ВАС РФ кратно (подчеркиваю — кратно) превышает количество ссылок на акты КЭС ВС РФ. А почему? Во-первых, потому что качество текста более высокое. Во-вторых, вот недавно Президиум ВС РФ решил дело по исковой давности, знаете, наверное? Там, где коллегия судей высказалась, что ссылка на пропуск срока исковой давности может быть отклонена как злоупотребление правом, а Президиум отменил, сказав, что судьи неправильно оценили доказательства. Вот на что тут ссылаться нижестоящим судам? Какая тут правовая позиция?! Раз в год передали дело в Президиум и то судебный акт отписан так, что никакого правового вывода сделать невозможно. Все юридическое сообщество ждет решение интереснейшей правовой проблемы. Получаем текст и оказывается, что в нем не решена ни одна правовая проблема. Экономколлегия решила вопрос четко и однозначно, а Президиум не сказал в итоге ни «да», ни «нет».

— Временами у меня появляется ощущение, что прямо специально используются иные подходы, чтобы только не было, как у ВАС РФ...

— У меня тоже есть такое ощущение. Иногда бывает, что в кассационное определение вставляются отрывки из постановлений Президиума ВАС РФ, но без ссылки на эти судебные акты. Причем у меня устойчивое подозрение, что эти тексты писались одним и тем же судьей, но он не хочет ссылаться на самого себя из времен ВАС. То есть в целом традиции ВАС в Экономколлегии ВС сохранены — это

факт. Но при этом однозначно вырисовывается тенденция не ссылаться на акты ВАС РФ по делам без крайней нужды. Как ни странно, больше ссылаются судьи Верховного суда, которые пришли из нижестоящих инстанций, чем те, кто перешел в ВС из ВАС. Может, им просто привычнее так, не знаю.

Плюс вторая проблема, которую можно считать благом, а я считаю недостатком: тексты отписываются от одного до семи дней. Если до десяти дней, то это уже караул. ВАС РФ писал месяцами. Я не за медлительность ратую, но полагаю, что торопливость судей ВС РФ еще хуже. Она приводит к недостаточно мотивированным решениям с пропущенными абзацами, фактическим ошибкам и несогласованностям в текстах.

Еще одно интересное, как мне кажется, наблюдение состоит в том, что фактически надзорная инстанция в ВС РФ — это один судья. Все жалобы, которые приходят в порядке надзора, рассматриваются одним и тем же судьей. Там ведь какой порядок? Последовательное обжалование. В надзор можно обжаловать только те дела, которые рассмотрела Экономколлегия. Если люди жалуются на позиции, высказанные тройками судей, то он один может усомниться в позициях, высказанных его коллегами. Единственное исключение, когда рассматривает надзорные жалобы не он, — это случай, когда он сам был в составе тройки. И это второй парадокс, кстати. Ладно бы выделили человека отдельного на надзорные жалобы, освободили от остальных дел, но этого не произошло.

— Да, много непродуманных процессуальных вещей. Очень сомнительно, что сами судьи писали эту схему рассмотрения дел в Верховном суде.

— Мне тоже так кажется. А взять ситуацию с неоднократными жалобами. Недавно была передана восьмая по счету однотипная

жалоба. Восьмая, понимаете? Восемь отказов и потом — девятая передача... Вот как это? Жалобы — слово в слово были...

— Боюсь, наши читатели воспользуются этим примером и ВС «утонет» в потоке жалоб.

— Это был Минфин...

— О! Читаем внимательно: Минфин. И сами так не делаем! Это я к подписчикам обращаюсь. А какова нагрузка в ВС (если не брать вот эти многократные жалобы), по Вашим оценкам?

— Если сравнивать с московской кассацией, то нагрузка небольшая. В обоих случаях 23–25 тысяч заявлений в год при примерно равном количестве судей. Но московская кассация работает, рассматривая все дела по существу, а здесь первичное рассмотрение судьей единолично. Если в ВС РФ проходит около 10 заседаний в неделю, то в АС Московского округа — сотни и сотни.

— Этот номер журнала посвящен подведению итогов рейтинга арбитражных судов посредством народного голосования, если можно так выразиться, на сайте нашего журнала. Как-то меня опечалило низкое положение в данном рейтинге питерских и московских судов, особенно АС г. Москвы. Как Вы считаете, неужели там все плохо?

— Что Вы?! Такие суды, как Арбитражный суд г. Москвы, надо убирать из рейтинга. Сразу же. Ну, как можно сравнивать?! Вы его с Чукоткой не сравнивали, случайно, где 5 судей? А здесь 160 судей, здание — огромная махина, и рассматривается 25% всех дел в стране. Вы понимаете, что такое 25% всех дел? И каких дел! Всякого рода олигархи, «Чужой против Хищника», Минфин, Правительство Москвы, министерства и ведомства, которые судятся друг против друга и против частных лиц.

Говоря про позиции Верховного суда, могу сказать, что бывают недели, когда все переданные в кассацию дела — московские. Вот на прошлой неделе 7 дел передали — и все московские. Это что — признак того, что плохо рассматривают? Нет, конечно. Просто дела значимые. Хорошие представители, наверное, качественные жалобы пишут и т. д.

— Понятно. Конечно, такие вещи надо обязательно учитывать. Когда просматривал ответы участников голосования, запомнил такой: пришел красавец блондин голубоглазый, и судья прямо растаяла на глазах — как мне с ним тягаться... (явно дама пишет). Как Вам?

— Я в такие чудеса не верю. Выработал для себя правила поведения в суде, о которых рассказываю слушателям на лекциях. Первейшее из них — нельзя в суде говорить то, во что ты сам не веришь. Правда есть разная, есть неполная правда, можно недоговаривать, но в лоб врать нельзя. Если тебя спрашивают, была ли поставка, ты не можешь говорить, что не было, если она была.

— **А как надо сказать? Уклончиво? Мол, смотря, что считать поставкой?**

— Нет, надо сказать, что она была, но некачественная. Или не в срок. У тебя же есть какая-то аргументация. Если ты хороший представитель, тебе есть что сказать. Ты продумал все возможные варианты нападения на тебя и подготовил контрдоводы.

Второе правило — нельзя жить по принципу «нулевого варианта», то есть либо все, либо ничего. Судьи — это люди с аллергией на ложь, им очень импонирует готовность идти на уступки, признавать что-то и договариваться. Поэтому надо готовить пункты для согласия и для разногласий. Вот это я признаю, это признаю и вот это тоже не оспариваю. А вот здесь категорически не согласен. Чтобы судья понимал, что ты не сутяжник и не поорать пришел в процесс, а работаешь.

— **Мне даже захотелось на лекцию сходиться, впервые лет за 15...**

— Добро пожаловать... Но ни в какие спецэффекты я не верю. Все судьи — тертые-перетертые калачи, на них может действовать только аргументация и еще раз аргументация, которая, к сожалению, тоже не всегда помогает. Но уповать можно только на нее, никаких «очарована-околдована».

— **Теперь давайте немного поговорим про бизнес. Какая стратегия у вашего бюро?**

— Очень простая. Мы всегда придерживались стратегии литигаторства, то есть ведения судебных дел. Мы всегда только судимся. И по возможности стремимся заниматься все-таки не в режиме «пять старушек — рубль»...

— **Как это понимать?**

— Это известный анекдот, когда у Раскольникова спрашивают, как же он мог зарубить бабушку за 20 копеек, а он отвечает — вы уже поняли как. Мы стараемся заниматься не большим количеством кейсов, а только

качественными, которые интересны с точки зрения права, репутации и т. п. И когда ты такие дела ведешь, сарафанное радио к тебе такие дела и приводит. И не зауживаем специализацию. Я считаю, что судейник должен безупречно знать процесс, а материальное право уже прикладывается. Подготовиться, прочитать, придумать что-то новое — вот что нужно уметь. Более того, слишком глубокие знания в какой-то одной отрасли нередко зашоривают. А когда занимаешься сегодня защитой чести и достоинства, завтра поставкой, послезавтра неосновательным обогащением или подрядом, это расширяет твои же собственные горизонты. Иногда недоскональное знание чего-то позволяет тебе придумать что-то оригинальное. При этом мы, конечно, не поддерживаем дилетантов.

— **А наукой и преподаванием где сейчас занимаетесь? Было дело, в Российской академии правосудия преподавали, да не срослось там что-то?**

— Сейчас я преподаю в МГИМО гражданский и арбитражный процесс, в том числе зарубежных стран, и с теплотой вспоминаю своих коллег из РАП.

— **И какая там публика?**

— Публика разная, но намного лучше, чем я думал. Конечно, первая особенность — это знание языков, часто безупречное, сопровождаемое проживанием в зарубежных странах. И очень серьезный подход к учебе. Это первый вуз из всех, где я преподавал, где 90% слушателей посещают занятия в костюмах и галстуках. В начале меня это немножко шокировало. В целом это интересный подход к обучению. Хотя, конечно, из-за того, что они делают такой акцент на иностранном языке, чем-то им приходится жертвовать. На гражданское право на полгода меньше отводится, чем в других вузах, например. Из РАП я пригласил к себе в бюро 13 человек за все время

преподавания, из МГИМО за 4 года — пока только одного...

— Недавно через Совет по кодификации проходил законопроект об упорядочении ответственности арбитражных управляющих. Как Вы считаете, оправдано стремление ужесточить их ответственность?

— Нет, их уже упорядочили так, что я не знаю, кто там вообще останется. Для того чтобы не воровали, нужны не только драконовские санкции и переложение бремени доказывания всех обстоятельств на них, нужна прежде всего неотвратимость наказания. А то маятник качнулся очень сильно. Были долгие годы беспредела и безнаказанности, а в последние два года мы развели такую деятельность по привлечению управляющих к ответственности, что уже никому бы не посоветовал идти в эту профессию.

И нельзя к управляющим применять те же стандарты, что и к директорам. Они на пожаре работают, понимаете? Тут не до стандартов осмотристельности директоров. Консервативную стратегию поведения не выберешь, тут работать надо, активы продавать и т. п. За реальные нарушения надо наказывать, а не подсчитывать, вовремя или не вовремя он что-то там сделал, выгодно продал или не выгодно — все очень относительно. Есть такой пример. Человек приобрел право требования. Должник — Правительство г. Москвы. Кредитор уже успел проиграть в суде, поэтому право требования куплено довольно дешево. После этого человек 5 лет жизни положил на то, чтобы взыскать по этому праву требования. Дошел до Президиума ВАС РФ, вернулся по новым обстоятельствам в апелляцию, которая была проиграна cedentом, выиграл ее. И когда он получил деньги, пришел арбитражный управляющий и сказал: «А что это так дешево ты право требования купил? Нет, так не пойдет. Возвращай-ка мне его по реституции, а сделка уступки нарушает права иных кредиторов, оспари-

ваю ее». Это нормально вообще? И таких перегибов в банкротстве море.

— Если про перегибы, то мне в законопроекте не понравилась идея о том, что управляющий несет ответственность перед кредиторами даже в том случае, если он действовал во исполнение решения собрания кредиторов. Мне кажется, и в корпоративном-то праве это очень неочевидная идея. Но для арбитражных управляющих она вообще странно выглядит. На мой взгляд, единственный вариант ответственности управляющего — когда он исполнял очевидно незаконное и потому ничтожное решение собрания кредиторов. Но не в остальных случаях.

— Я согласен с таким подходом. Арбитражных управляющих скоро днем с огнем не сыскать будет. А еще сейчас в ФНС люди с секундомерами сидят, засекают 30 дней на опубликование сведений в ЕФРСБ, я знаю. И как только управляющий пропустил срок на один день, тут же кидаются писать жалобы на него в уполномоченный орган. А у того один прием: два нарушения — дисквалификация... В общем, нам нужно искать баланс между безнаказанностью и крайней задавленностью арбитражных управляющих. В нашей стране — стране крайностей — такой поиск будет явно непростой задачей.

— Понятно. Тогда такой вопрос: нужен ли нам профессиональный процесс?

— Я — активный сторонник профессионального процесса. Понимаю, что путь к нему долог и тернист, но его надо обязательно пройти. Сразу же пример. Ко мне после лекции подходят и спрашивают: «Что делать, когда бывший сотрудник, уволенный из организации, представляет ее противника в суде?» Приходится отвечать, что ничего не поделаешь. А будь он адвокатом, в два счета лишился бы своего статуса за такие проделки.

Сама же по себе идея переквалификации требований судом всегда вызывала у меня возражения, в том числе при ее появлении в 2010 году в постановлении Пленумов ВС и ВАС РФ № 10/22. Есть такое правило классического римского процесса — без истца нет процесса. Истец должен сформулировать, что он хочет. Максимум, что я допускаю, это возможность в пограничных случаях судебного толкования не вполне понятных заявлений истца. Если же они понятны, но, по мнению суда, ошибочны, суд не может помогать истцу, он может только отказать ему в удовлетворении иска. Существует, пожалуй, только одно исключение — споры с государством. Хороший судья может подсказать истцу, как ему защищаться. Я видел даже целые инструкции в судебных решениях: кто и что должен сделать, какой именно госорган, чтобы нарушенные права истца были восстановлены. Но это именно споры с Левиафаном, который един во всех лицах, а не любые дела.

— **В постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 о применении общих положений части первой ГК РФ довольно часто используется такая конструкция: суд выносит на обсуждение сторон тот или иной вопрос, который он считает важным для данного дела. Например, у суда возникают сомнения в добросовестности ответчика, и он хочет, чтобы стороны обменялись позициями и доказательствами по данному вопросу. Это нормально?**

— И к этой практике я отношусь критически. Это чаще всего подсказка со стороны суда той стороне, которая по каким-то причинам не соображает в праве. Я могу поддерживать данную идею только в той части, в которой она препятствует появлению «неожиданных» решений. Эту идею я видел в ГПК Германии, и мы ее всегда прорабатываем со студентами. Судья должен демонстрировать сторонам, что он считает важным в этом процессе. Я считаю, это не нарушает

равноправие сторон. Эта прозрачность поведения суда мне очень импонирует.

— **Я как-то наблюдал в Англии, как судья пристрастно допрашивал и одну сторону, и другую, показывая им их слабые места. Было очень странно наблюдать за таким активным поведением в процессе после российских судей, которые чаще всего обращаются к сторонам, чтобы прервать их, а не по существу. Мне объяснили, что судья обозначает слабые места в позициях обеих сторон и тем самым показывает им целесообразность мирового соглашения. Именно поэтому в Англии подавляющее большинство споров заканчивается миром.**

— Вот это как раз нормально, потому что процесс в Англии не просто профессиональный, он суперпрофессиональный. Он по сути говорит барристерам: «Не морочьте мне голову, я вам сейчас расскажу, как было. Вы не правы в этом, а у вас совершенно слабая позиция в том-то. Я не знаю пока, что решу, но не поздороится вам обоим: и истцу, и ответчику». А еще почему он так делает? Да потому что он до этого 25 лет был на месте этих барристеров и все адвокатские штучки ему заранее известны. Он может позволить себе сказать адвокату: «Мальчик, то, что ты сейчас вот тут собираешься исполнить, я последний раз делал в 1976 году, не смей меня. Все, свободны». А у нас в ряде случаев я прихожу, а там мои бывшие студенты в мантиях сидят. Я уважительно к ним отношусь, потому что уважаю в них суд и надеюсь, что их хорошо обучали в вузах. Но, когда представители мудрее, опытнее и компетентнее судей, это неправильно.

— **Понятно. Надеюсь, и у нас что-то изменится со временем. Посмотрим. Спасибо большое за уделенное время. АП**

Беседовал Андрей Владимирович Егоров, главный редактор «АП»

юрист
компания

Чтобы
было понятно,
куда двигаться

lawyercom.ru
практический журнал
для юриста

8-800-555-66-00

Подписка
за минуту

Ответчик доказал несоразмерность неустойки. Как истцу обосновать истребуемую сумму

- Какая ставка поможет обосновать неустойку по обязательствам в иностранной валюте
- Как подтвердить размер средней ставки по краткосрочным кредитам
- Почему иногда выгоднее представить суду информацию о ставках Банка России, чем справку из банка

**Кирилл Олегович
Коршунов,**
юрист АБ «Линия права»
kirill.korshunov@lp.ru

Снижению неустойки посвящено множество разъяснений. Однако при разрешении споров о снижении неустойки постоянно возникают новые вопросы. Анализ судебной практики показывает, что на ряд, казалось бы, очевидных вопросов нельзя ответить однозначно. Например, какой размер неустойки предложить суду в качестве соразмерного? Чем можно заменить учетную ставку Банка России, если она не применяется к конкретному правоотношению? Чем подтвердить средний размер платы по краткосрочным кредитам на попол-

нение оборотных средств? Рассмотрим, какие позиции выработали суды по данным вопросам.

Для определения неустойки по обязательствам в иностранной валюте учетная ставка Банка России не применяется

Высшие суды уже не раз разъясняли спорные моменты касательно снижения неустойки. Так, данному вопросу посвящено информационное письмо Президиума ВАС РФ от 14.07.1997 № 17 «Обзор практики